

Страстность, чувственность героев сочетаются с их высокой чистотой, нравственной безупречностью. Автор «Каллимаха» старается соблюсти даже такой традиционный, обязательный для греческого романа принцип, как сохранение героиней целомудрия до официального бракосочетания. Но какая может быть свадьба, где можно найти священнослужителя в безлюдном, удаленном от всего мира замке дракона? Поэт находит выход из положения: жрецом будет сам Эрот, изображенный на дворцовой стене.

Любовь героев, как это обычно для греческих романов, — сильнейшая страсть, физическая и духовная. «Исполненная страсти привсталла девушка. Окрыленный любовью юноша предстал перед ней. Языку не под силу описать, с какой страстью, с каким волнением в сердце, с каким упоением бросились они в объятия друг другу». Им ничего более не надо для счастья. Удаленные от всего света, они испытывают полное блаженство в прекрасном саду — типичном средневековом *locus amoenus*. Потеря друг друга — это конец, катастрофа. Ищущий возлюбленную Каллимах — это лишившийся рассудка от любви и отчаяния безумец, типичный обезумевший от страсти и потери возлюбленной рыцарь средневековой западной и восточной литературы (Ивэн, Флоримон, Ланселот, Тристан, Таризл, Меджнун). «Он шел, плача и причитая, со стонами и вздохами, не рад был солнцу и свету дня».

«Каллимах и Хрисорроя» — поэма о любви, развивающая сформировавшуюся в греческом романе концепцию любви. На «Каллимаха» совершенно невозможно распространить рассуждение Б. Кнёса, касающееся {317} рыцарского романа XIII—XV вв.: «Новый дух особенно чувствуется в концепции любви, этого великого открытия средних веков, особенно Франции XII в., — концепции, как сказал Густав Козн, отмеченной печатью вечного, духовного, в чем проявляется ее западное происхождение»¹⁰. Свет вечности и духовности, излучаемый любовью Каллимаха и Хрисоррои, совершенно независим от западного влияния.

Итак, «Каллимах и Хрисорроя» не сказка. Но это и не роман в смысле греческого любовно-приключенческого повествования эллинистической эпохи и XII в. Это новый жанровый этап, в котором синтезируются элементы романа, сказки, героического эпоса.

Попытку автора «выкроить» сюжет романа из волшебной сказки Г. Мегас оценивает как задачу неестественную ввиду принципиального различия характера любви в романе (духовное явление) и в сказке (инстинкт, разбуженный красотой женщины)¹¹. С точки зрения истории литературы в «Каллимахе» следует усматривать, однако, нечто более важное, а именно желание автора, ощущающего кризис античного жанра, а также созревшие в его развитии в XII в. тенденции, трансформировать жанр с помощью народного литературного и языкового материала (явление, имеющее аналогии в мировой литературе, в частности в трансформации французского «античного романа» на почве бретонской фольклорной традиции).

В 1853 г. Е. Мартини высказал предположение, что автор «Каллимаха» — представитель семьи Палеологов Андроник Дука (род. ок. 1261 г.). Гипотеза была основана на эпиграмме Мануила Фила (XIV в.), содержащей краткий пересказ одного из произведений Андроника, во многом сходного с «Каллимахом». Подробное сравнение эпиграммы с «Каллимахом» убеждает в том, что сходство здесь гораздо существеннее различий, которые сводятся, в сущности, к различиям двух рукописей: одной — XIV в. (по которой познакомился с романом Мануил Фил); другой — XV—XVI вв., они донесли до нас текст романа. Возражение, согласно которому Андроник — автор теологических сочинений — не мог создать произведения (романа), содержащего всего лишь единственное упоминание Бога, несостоятельно: как автор романа он действовал в согласии с законами литературного жанра, исключая участие в действии христианского бога¹².

В греческом любовном романе большая часть приключений героев совершается на чужбине, вдали от родной земли. Герои должны как можно раньше покинуть родной край, куда они возвратятся к концу повествования, преодолев все препятствия и соблазны. В отличие

Chrysantza» und die Brautschau am byzantinischen Kaiserhof // *Byz.* 1965. Т. XXXV. S. 153).

¹⁰ Кнёс В. *L'histoire de la littérature néogrecque*. Stockholm, 1962. P. 106.

¹¹ Вопрос о соотношении в истории литератур сказки и романа далеко не однозначен. По мнению В. Проппа, здесь ассимилируются и скрещиваются целые жанры, создаются очень сложные конгломераты, в которые составные части входят как эпизоды. Таково же строение некоторых рыцарских романов, которые сами, вероятно, восходят к сказке. Подобное сравнительное изучение — дело будущего (*Пропп В. Я.* Указ. соч. С. 90.).

¹² Подробнее об авторе см.: *Алексидзе А. Д.* Мир греческого рыцарского романа. С. 82 и сл.